

Георгий и Ольга Арси *Клад Белёвского Худеяра*

Исторический детектив
написан на основании архивных записок действительного
статского советника по полицейской части Тулина Евграфа
Михайловича

18+

Георгий и Ольга Арси

Клад Белёвского Худеяра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69347608

SelfPub; 2025

Аннотация

Детективный роман погружает читателя в завораживающую историю о поиске клада, спрятанного в XVI веке на тульской земле известным разбойником Худеяром, единокровным братом Иоанна Грозного, если верить народным легендам. Книга является второй из серии романов, повествующих о жизни и быте русского общества этого периода, однако полностью самостоятельна в сюжете.

Содержание

От авторов	4
Клад Белёвского Худеяра	6
Пролог	10
Глава 1 Год 1525. Изгнание великой княгини Соломонии	14
Глава 2 Год 1882. Начальник тульского жандармского управления	19
Глава 3 Титулярный советник Тулин	35
Глава 4 Аллюминиевые украшения	49
Глава 5 Год 1526. Суздаль	56
Глава 6 Побег каторжников	66
Глава 7 Ночлежка нищих и облава	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Георгий и Ольга Арси Клад Белёвского Худеяра

От авторов

Детективный роман погружает читателя в завораживающую историю о поиске клада, спрятанного в XVI веке на тульской земле известным разбойником Худеяром, единокровным братом Иоанна Грозного. Книга является продолжением романа: «Дело о секте скопцов». Входит в серию романов повествующих о жизни и быте русского общества XIX века, однако полностью самостоятельна в сюжете.

В книге наряду с вымышленными персонажами присутствуют реальные исторические фигуры, активно влиявшие на развитие общества в России XIX века. Однако авторы не дают им оценки, в отличие от выдуманных героев, они только констатируют их историческую роль и события, свидетелями или участниками которых были данные персонажи, импровизируя и предполагая их поведение в духе нравов того времени.

Авторы признательны и благодарны огромному историческому наследию, которое оставили потомкам русские историки и писатели: Николай Михайлович Карамзин, Матвей

Комаров, Николай Иванович Костомаров, а также Николай Герасимович Савин в своих записках. Труды этих замечательных людей помогли создать эту книгу.

Посвящается старому и надёжному товарищу Лежебокову Александру Васильевичу.

Текст печатается в авторской редакции и пунктуации.

Клад Белёвского Худеяра

«...Тогда Великий Князь, свободный от дел воинских, занимался важным делом семейственным, тесно связанным с государственною пользою. Он был уже двадцать лет супругом, не имея детей, следственно и надежды иметь их. Отец с удовольствием видит наследника в сыне: таков устав природы; но братья не столь близки к сердцу, и Василиевы не оказывали ни великих свойств душевных, ни искренней привязанности к старейшему, более опасаясь его как Государя, нежели любя как единокровного. Современный Летописец повествует, что Великий Князь, едучи однажды на позлащенной колеснице, вне города, увидел на дереве птичье гнездо, заплакал и сказал: «Птицы счастливее меня: у них есть дети!»

После он также со слезами говорил Боярам: «Кто будет моим и Русского Царства наследником? братья ли, которые не умеют править и своими Уделами?» Бояре ответствовали: «Государь! неплодную смоковницу посекают: на ее месте сажают иную в вертограде». Не только придворные угодники, но и ревностные друзья отечества могли советовать Василию, чтобы он развелся с Соломониею, обвиняемую в неплодии, и новым супружеством даровал наследника престолу. Следуя их мнению и желая быть отцем, го-

сударь решился на дело жестокое в смысле нравственности: немилосердно отвергнуть от своего ложа невинную, добродетельную супругу, которая двадцать лет жила единственно для его счастья; предать ее в жертву горести, стыду, отчаянию; нарушить святой устав любви и благодарности. Если Митрополит Даниил, снисходительный, уклончивый, внимательный к миру более, нежели к духу, согласно с Великокняжеским синклитом, признал намерение Василево законным или еще похвальным: то нашлись и Духовные и миряне, которые смело сказали Государю, что оно противно совести и Церкви. В числе их был пустынный Инок Вассиан, сын Князя Литовского, Ивана Юрьевича Патрикева, и сам некогда знатнейший Боярин, вместе с отцом в 1499 году неволею постриженный в Монахи за усердие к юному Великому Князю, несчастному Димитрию. Сей муж уподоблялся, как пишут, древнему Святому Антонию: его заключили в Волоколамском монастыре, коего Иноки любили угождать мирской власти; а престарелого Воеводу, Князя Симеона Курбского, завоевателя земли Югорской, строгого Постника и Христианина, удалили от двора: ибо он также ревностно вступался за права Соломонии. Самые простолюдины – одни по естественной жалости, другие по Номоканону – осуждали Василия. Чтобы обмануть закон и совесть, предложили Соломонии добровольно отказаться от мира: она не хотела. Тогда употребили насилие: вывели ее из дворца, постригли в Рождественском девичьем монасты-

ре, увезли в Суздаль и там, в женской обители, заключили. Уверяют, что несчастная противилась совершению беззаконного обряда и что сановник Великокняжеский, Иван Шигона, угрожал ей не только словами, но и побоями, действуя именем Государя; что она залилась слезами и, надевая ризу Инокини, торжественно сказала: «Бог видит и отмстит моему гонителю».

— Не умолчим здесь о предании любопытном, хотя и не достоверном: носился слух, что Соломония, к ужасу и бесполезному раскаянию Великого Князя, оказалась после беременною, родила сына, дала ему имя Георгия, тайно воспитывала его и не хотела никому показать, говоря: «В свое время он явится в могуществе и славе». Многие считали то за истину, другие за сказку, вымышленную друзьями сей несчастной добродетельной Княгини. Разрешив узы своего брака, Василий по уставу церковному не мог вторично быть супругом: чья жена с согласия мужа постригается, тот должен сам отказаться от света. Но Митрополит дал благословение, и Государь чрез два месяца женился на Княжне Елене, дочери Василия Глинского, к изумлению наших Бояр, которые не думали, чтобы род чужеземных изменников удостоился такой чести. Может быть, не одна красота невесты решила выбор; может быть, Елена, воспитанная в знатном Владетельном доме и в обычаях Немецких, коими славился ее дядя, Михаил, имела более приятности в уме, нежели тогдашние юные Россиянки, научае-

мые единственно целомудрию и кротким, смиренным добродетелям их пола. Некоторые думали, что Великий Князь из уважения к достоинствам Михаила Глинского женился на его племяннице, дабы оставить в нем надежного советника и путеводителя своим детям. Сие менее вероятно: ибо Михаил после того еще более года сидел в темнице, освобожденный наконец ревностным ходатайством Елены. — Свадьба была великолепна. Праздновали три дни. Двор блистал необыкновенною пышностью. Любя юную супругу, Василий желал ей нравиться не только ласковым обхождением с нею, но и видом молодости, которая от него удалялась: обрил себе бороду и пекся о своей приятной наружности...»

Н. М. Карамзин. История государства Российского. Том VII. Глава III. Продолжение государственования Василиева. Годы 1521—1534

Пролог

Раннее апрельское утро было наполнено весенней свежестью. Светало. Три человека въехали в лес в экипаже, запряжённом парой лошадей. Уверенно выпрыгнув из пролётки, размялись. Один из путников подошёл к лошадям, потрепал, погладил с любовью, прижался щекой к одной из них. Затем, отойдя от пролётки, начал весело разговаривать с остальными: «Лошади умнее людей. Помнишь, Василий, какой конь у меня был в полку? Не конь, а ветер. Жалко Тишку, коня, теперь больше и не увижу его. Разошлись наши пути-дороги.

Ты говорил – не получится, сомневался. Видишь, всё получилось отлично, уже вёрст на тридцать от Орла ушли. Ещё поверуем, пограбим, потрясём мошну купеческую.

Дурень этот начальник тюрьмы. Как мы его обули! С запиской тоже хорошо придумали. Я думаю, до вечера ждать нас будет, а потом сам искать станет. Когда поймёт, что своих сил не хватит и не поймать нас, тогда доложит. Получается, через день-другой нас искать станут. Теперь вместо меня сам в тюрьму сядет. Хорошо, что начальник жадный до денег, и мозгов у него немного, мне повезло. Да и ты, Василий, не подкачал, молодец. Век не забуду, пока жив – помнить буду тебя, оплачу и деньгами, и преданностью своей.

Поверь, на свободе лучше, чем в тюрьме, на похлёбке!

Три месяца просидел в тюрьме на казённых харчах, а как будто вечность прошла. Да что тебе говорить, ты и сам всё знаешь. Не зря надзирателем служил. Понимаешь, как нам, сидельцам, трудно, голодно и холодно. Судьбу клянём, жизни хотим, а она мимо нас пробегает. Господь второй жизни не даст, как ни проси, хоть лоб в церкви разбей об пол. Жизнь одна, и хочется её прожить красиво и приятно.

Молодец ты, вовек не забуду твоей преданности. Что скажешь?».

– Это точно, ваше благородие, что начальник – полный дурень, коль нам поверил, – ответил подельник.

– Помнишь нашего полкового командира, князя Бернского? Такой же был дурак, всё считал, что мы глупее его. Полковую казну пропил. После войны все трофеи присвоил, орден на нашей крови напoлучал и считал, что нам это неизвестно. Хотел, чтоб мы служили за скудное государево содержание, а сам желал жить припеваючи на нашей крови и горбах. Себе деньги и вальяжную жизнь, а нам – только совесть и честь.

– Это точно, ваше благородие, не то что на людях, на коных воровал, – вновь ответил подельник.

– Сколько раз тебе говорить! Я для тебя не благородие, а Михаил Иванович, ты мне друг, каких не сыщешь. Сколько мы с тобой повидали. А ты опять заладил – благородие да благородие. Хватит! Ты для меня Василий Фёдорович Бурундуй по кличке Вася Бурундук, а я для тебя – Михаил Ива-

НОВИЧ.

– Михаил Иванович, что дальше делать будем? Куда жизнь наша поведёт? – спросил третий попутчик.

– Дальше, Митяй, будем делать вот что. Сейчас отдохнём, костер разожжём, перекусим, вздремнём. После полудня, ближе к вечеру, дальше пойдём. Всю ночь ехать будем, к утру в Сергиевском остановимся, отдохнём. Там у меня свои люди есть. Весь день там переждём, а в ночь опять поедем, к утру у Тулы будем. Там в Скуратовских двориках остановимся. От двориков этих до Тулы рукой подать, можно с разных дорог въехать в город и выехать из него. Уйти тоже можно в любую сторону, на Рязань или на Калугу, хоть на Воронеж. Там постоянный двор свой имеется, хозяин – наш человек. Если что, с нами и уйдёт, семьи у него нет, держаться некого. Когда дела в Туле закончим, кубышки заберём, пойдём на Нахичевань-на-Дону. Там дальше решим, что делать, видно будет. Жаль, что ватага уменьшилась. Постреляли лягаши товарищей наших – Сашку и Афанасия при задержании. Земля пухом покойникам! Деньги заберём и уйдём в тёплые края. Заживём с вами как господа, денег хватит на всё и на всех. И на девок, и на рестораны. С деньгами и поросёнок – барин.

– А может, не пойдём в Тулу? Чего рисковать? Деньги сразу возьмём из припрятанных кубышек и соберёмся в тёплые края? – уточнил Митяй, внимательно послушав старшего.

– Нет, дело есть в тех местах и очень важное, не терпит от-

лагательств, – ответил Ерш, переглянувшись с Борундуем. –
Обязательно сделать надобно!

Глава 1 Год 1525. Изгнание великой княгини Соломонии

Княжеский возок трясло. Путешественники уже устали от дальней дороги и окружающего холода. Шутка ли, русская зима на улице. Да и дорога не близкая от Москвы до Суздаля, больше двухсот вёрст. Московский обоз двигался уже третьи сутки и к исходу дня должен был прибыть в Свято-Покровский Суздальский монастырь.

Состоял он из четырёх возков и конного сопровождения – охраны. В первом находилась жена боярина Тищенко-ва, старшего отряда, во втором следовала бывшая великая княгиня Соломония. В двух последних перевозился скарб.

Второй возок был основным, но он немногим отличался от остальных по внешнему виду и только в мыслях путешественников был княжеским и главным. Встречающиеся холопы, служивые люди и прочие странствующие и путешествующие, увидев вереницу коней и возков, низко кланялись, не поднимая глаз. Всё дело в том, что охрана, сопровождавшая зимний поезд, была строгой и многочисленной, на хороших конях, имевших благородную упряжь.

Одежда охранников состояла из рысьих шапок, кожухов, обшитых дорогим сукном, длинных до пят и расширенных

книзу, и тёплых сапог. Воинское снаряжение было практичным, но с дорогой отделкой, указывающей на высокий статус сопровождающих. Охрану возглавлял взрослый статный мужчина с красивым мужественным лицом, одетый в кожаные сапоги с длинными рукавами и собольим воротником.

Ехали споро, при встрече со случайными путниками подбегали, брались за оружие, не обращая внимания на поклоны. На отдых останавливались по вечерам в домах бояр или богатых людей, светлый день проводили в дороге. Перед тем как пристать на ночлег, высылали трёх конных вперёд для подготовки мест. Ночью же дом охранялся стражей по всему кругу. Все меры предосторожности соблюдались. Боязно на плаху голову положить за угрозу жизни великой монахини. Белёвский боярин Тищенко ехал мрачный, думы мучили: «Только бы не растрясти плод, жена на третьем месяце. Так давно ждали ребёнка, и вот тебе на! Приказ от царя и Великого князя – сопроводить бывшую княгиню в Суздаль, в женский монастырь. Остаться при ней, живя не в монастыре, а в миру для её охраны. При себе иметь двенадцать боевых холопов. Не ждал я такой чести, хотя больше пяти лет служу государю. Но как государю перечить будешь? Теперь честь ли это или бесчестье, только Господу Богу ведомо. Вот и имя Тихон, в переводе „удачливый“, не совпадает с бытием и поручением. Удачей такую службу не назовёшь. Однако род мой худородный, небогатый, любой службе радоваться нужно. Но злости на царицу и великую княгиню

нет. Жалко, конечно, царицу, тридцать пять лет всего бабе, в самом расцвете женской красоты ещё. Старше жены всего на восемь лет. Хотел жену, любимую Марью, дома оставить, да царь приказал с собой взять. Чтоб, значит, не отрываться от службы и о семье не беспокоиться. Коль жену приказал взять, значит, надолго отправил в Суздаль. Подъехать лишний раз к возку жены тоже нельзя, перед царицей нескромно».

Соломония Юрьевна Сабурова, бывшая великая княгиня всея Руси, а ныне инокиня, тоже думала о своём. О своей жизни и женской доле.

Как сейчас, помнила она: «Двадцать лет назад из пятисот девушек, представленных ко двору Великого князя на смотр невест, выбрал Василий только её – Соломонию, несмотря на то что отец искал ему принцессу в Европе. Но Василий не послушал отца и женился на ней, дочери боярина из старинного рода Сабуровых. Свой род они вели от татарского князя, мурзы Атун Чета из Золотой орды, который ещё при Калите принял православие. Такое на Руси было не принято. Впервые выбор невесты пал не на принцессу крови, а на боярскую дочь, хотя и из высшего сословия служивых людей. В пятнадцать лет вышла она замуж, венчалась в Успенском соборе Московского кремля. Вышла по любви и жила, любя своего мужа, Великого князя Московского. Всё бы хорошо, жили душа в душу, но беда пришла, подкралась незаметно. Детей Бог не дал, обрёл на бесплодие. Как только она

ни страдала, что только ни делала. Монастыри посещала, молилась днём и ночью, только всё без пользы. Но Василий терпел, ждал, надеялся, вместе с ней по монастырям ездил. В последнее время и знахарей не убоялась, всевозможные заговоры начала применять, но и это не помогло. Не давал Бог наследника, только врагам своим повод дала. Начали клевету распространять в уши государю и мужу, всему боярскому кругу, что колдует Соломония, извести его желает с белого света. Пришлось Василию подчиниться воле большинства.

Получилось у злыдней, убедили государя развестись с ней. Теперь вот в монастырь, навсегда. Обратно вернуться надежды нет. Боярская дума князя поддержала, тех, кто против был, сослали, чинов и санов лишили. Постриг принимать не хотелось, но такова воля мужа и государя. От этого спасенья нет. Бог даст, всё образуется. Хотя уже нет, обратного не вернуть. Слухи доходят, что желает Великий князь жениться на Елене Глинской, дочери литовского князя Василия Глинского. Она красива, слов нет. Только смутные мысли имеются. Не в положении ли она, бывшая царица Соломония, от мужа своего, Великого князя и царя Московии? Может, и даст Бог ребёнка. Сказала она об этом Василию, да слушать не хочет. Думает, что хитрости это женские, уловки. Жизнь покажет. Охрану назначили крепкую и преданную. Старшим определили не знатного боярина, но служивого, надёжного, из города Белёва. Проживать приказано безвыездно в Суздале. При нём боевые холопы, хорошо, что все

его, доносить не посмеют. Хотя уши и глаза и там наверняка имеются. Найдутся люди, кто Великому князю сведения о ней сообщать будет. Скорее всего, пока в московском монастыре была, уже направлены специальные люди в Суздаль на проживание. Выяснить это просто: кто поселился недавно, тот и прислан. Хотя ни к чему это ей, смысла не имеет. О вечном думать надо, Богу молиться. То, что жена следует с боярином, старшим охраны, это хорошо. Спокойнее будет при жене, добрее. Да и она внешне мила, уважительна. Надо будет к себе приблизить. Места хорошие, конечно, святые, на суздальской земле. Монастырь известный, на берегу реки. Муж Василий III и отстроил. Как будто бы знал, что сошлёт её туда, не зря большие средства монастырю жертвовал».

Вечерело, возки с конвоем подъехали к монастырю. У ворот как будто ждали, при подъезде они немедленно открылись. Великих гостей встретила мать игуменья, настоятельница монастыря. Бывшая великая княгиня вышла из возка, пошатываясь от усталости, боярин и холопы спешили. Взяв коней под узду, уважительно поклонились царской особе. Поблагодарив кивком головы и царственной улыбкой, бывшая Соломония Сабурова, а ныне в постриге инокиня София прошла к настоятельнице. Больше она не обернулась. Боярин подождал, смотря вслед удаляющейся фигуре великой монахини. Не дождавшись приказания, знаком руки дал сигнал холопам. Конвой вскочил на коней и медленно последовал за боярином в Суздаль.

Глава 2 Год 1882.

Начальник тульского жандармского управления

В дверь начальника губернского жандармского управления Тулы генерала-майора Муратова Александра Ивановича ранним апрельским утром воскресного дня постучались.

– Войдите! – ответил генерал.

Вошёл помощник.

Сам Муратов, главный жандарм губернии, отсутствовал в Туле четыре дня. По служебным делам выезжал в Санкт-Петербург, в департамент полиции, на служебное совещание при министре внутренних дел.

– Разрешите доложить? Желаю здравия, ваше высокопревосходительство! С приездом, – бодро поздоровался вошедший.

Помощник внёс кожаную представительскую папку с двуглавым орлом Российской империи, полную документов. Ему необходимо было доложить обо всех политических, уголовных и общественных происшествиях и проблемах, произошедших в отсутствие начальника.

В компетенцию генерала входило практически всё, что происходило в губернии. Предупреждение преступлений

против личной и общественной безопасности. Правильность содержания питейных заведений и устройств развлечений для публики. Паспортное положение и рабочее законодательство. Политический розыск и охрана высших сановников империи. Гласный и негласный надзор за любыми лицами, проживающими на территории губернии, которые могли представлять политические или уголовные неприятности государственному строю. Контроль за оружием и взрывчатыми веществами. Розыск уголовных элементов и многие другие дела, способные нарушить устои империи Романовых.

День был выходным, но начальнику губернского управления отдыхать было недосуг, за губернией глаз нужен постоянный и строгий. Кроме того, именно в выходной день можно было спокойно разобраться в накопившихся делах.

– И вам не хворать! Заходите, жду вас. Присаживайтесь. Давайте, Иван Иванович, докладывайте, что у нас в губернии нового произошло в моё отсутствие. Пока я кабинеты присутствия обхаживал. Плохого и хорошего!

Офицер открыл папку, сосредоточился и начал рассказывать.

– Всё в целом спокойно и богобоязненно в губернии. Докладываю по порядку.

По пункту первому, деятельности нелегальных обществ и всяких лиц, имеющих целью подрыв существующего государственного строя. Революционных ситуаций не выявлено. Либеральный кружок, созданный по вашему распоряже-

нию, пользы не приносит, желающих участвовать в противоправной деятельности против государства особо нет. Политикой ныне заниматься никто не хочет. В памяти свежи еще наказания и казни за убийство покойного императора Александра II. Уже поступило с десятков доносов на этот кружок. Если так дело пойдёт, то закрыть придётся. Пользы мало, одни проходимцы посещают с целью поиска глупцов для займа средств или обмана каким другим путём, наивные обыватели, по глупости своей увлекающиеся либеральными идеями.

– Это хорошо, что все приутихли, но закрывать подожди. Не для того государственные деньги потрачены. Не для того из Воронежа агенты прибыли и поселились у нас в губернии.

Я в столице не зря был. Скоро из Женевы газета революционная начнёт поступать, называется «Вольное слово». Вот её и пусть распространяют среди рабочих, интеллигенции, обывателей. Конечно, с соблюдением жесточайшей конспирации. А мы будем переписывать желающих её почитать и тех, кто её распространяет, за исключением наших агентов. Всех на карандаш, потом за всеми надзор. Возможно, и кого серьёзного вычислим.

– Что за газета такая? Зачем нам революционную пропаганду проводить? – уточнил у генерала помощник.

– Газета, Иван Иванович, революционная, хорошая. Задумана известной вам «Священной дружиной», возглавляют которую самые именитые государственные чины. Министр двора и уделов граф Воронцов-Дашков, министр внутрен-

них дел граф Игнатъев, обер-прокурор Синода Победоносцев и другие, не менее уважаемые люди. Как вы знаете, все в этой организации как один – монархисты. Там и военные, и гражданские чины имеются, но военных больше. Вот они и придумали специальную газету – наживку. Под неё деньги выделены государственные и большие. Она является обманной, фиктивной газетой с целью борьбы с революционной пропагандой. Давно уже выпускается, только к нам в губернию пока не направлялась.

Я убедил, что нужно. Поэтому со следующего месяца тридцать экземпляров будут прибывать с соблюдением строжайшей конспирации. Перевозить и передавать в этот кружок будут секретные агенты «Священной дружины», внедрённые в революционное движение. Не вздумайте изъять где-нибудь по дороге доставки. Об этом знаем я и теперь вы, больше никому, поняли?

Операция секретная, полицию не информируйте, посмотрим, как работать будет. Через какое-то время полицмейстер нам доложит об этой газете. Ради этих экземпляров к самому товарищу министра, фон Плеве, ходил. Хорошо, что Вячеслав Константинович к нам уважительно относится. Он же у нас в Туле три года отработал, был товарищем прокурора в окружном суде. Если память не изменяет, с 1870 по 1873 год. Так вот, в этой газете всё продумано, чтоб оппозиционеров с истинного пути сбить. Многих дискредитировать. Да и сам факт её укрытия и изучения даёт

нам право на арест при необходимости. Теперь поняли?

– Теперь понял, Александр Иванович! Разрешите продолжить? – ответил удивлённый помощник.

– Давайте дальше, по пункту второму, – строго ответил Муратов.

– Сект, обществ еретиков, запрещённых соборищ, расколов всяких по религиозным мотивам не выявлено. Можно предположить, что или нет их вообще в губернии, или тоже все присмирели после арестов и проверок в прошлом году. Тогда, когда общество скопцов выявили после кражи документов на императорском оружейном заводе.

– По ним проблем больше не должно быть. Десять человек отправили в тюрьму, в Белёвский замок, троих на каторгу, некоторых предупредили. Вот же страшные люди эти скопцы, сами себя кастрируют. Чего только на белом свете не увидишь. Ну, я думаю, с ними всё ясно и надолго, – ответил начальник жандармского управления.

– А как там граф и графиня, Бобринские-Брежнёвы? За ними надзор должен быть постоянный! Особенно за либеральной Ольгой Владимировной! – после минутного раздумья продолжил Муратов.

– Надзор ведём, как вы и приказывали, с прошлого года. Ни в чём противоправном не замечены. Пётр, как и раньше, у начальника оружейного завода генерала Бестужева служит в помощниках по особым поручениям. Ольга Владимировна по-прежнему преподаёт в женской гимназии французский

и британский языки. Наш агент информировал, что имеет мысли переехать в Москву, якобы для изучения лекций профессора Чичерина. Тот избран городским главой в этом году, однако будет продолжать курс своих лекций по философии и русскому праву. Переписку ведут с Тулиным. На рождество в Москве у него оба гостили.

– Хорошо! Что по пункту третьему, по воровству и казнокрадству? – уточнил Муратов.

– Особого лихоимства нет. Однако имеется донос на чиновника управления общественного благоустройства губернского присутствия. Берёт взятки с посетителей под видом государственных податей. Берёт деньгами, но не гнушается подарками и услугами.

– А губернатор знает о казнокрадстве?

– Не готов доложить, ваше высокопревосходительство. Может, знает, да глаза закрывает, может, имеет что-то с этого, а может, и не знает. Трудно сказать и предположить, – ответил помощник.

– Подошлите агента. Пусть попросит чего-либо да и посулит денег. Если возьмёт, будем закрывать, а у губернатора я сам уточню потом при встрече, что с ним делать, – приказал генерал.

– Будет исполнено! Рабочее законодательство исполняется. Нареканий нет. Иностранных граждан на территории губернии нет. Приезжих немного, пятьдесят человек, из них двадцать – по торговым делам, остановились в гостиницах.

Тридцать прибыло из ближайших деревень на заводы, на сезонную работу. Документы у всех в порядке, поселились в ночлежках. Больше количество – в районе Чулковки, там к заводам ближе.

Крупных мошенничеств за этот срок не выявлено, только по мелочам. По-прежнему артели нищих из Чулковки и Всехсвятских окрестностей понемногу промышляют. То оловянные часы за серебряные кому-то продадут, то медь за золото выдадут. Тут на днях казус с чулковским сочинителем произошёл. Так-то он особой наглостью не отличается, не докучливый, спокойный, малым довольствуется.

Написал он письмо об оказании ему возможной помощи в адрес одного зажиточного мещанина, в том числе с рассмотрением его кандидатуры на сватовство дочери. Через день, узнав, что к тому прибывает какой-то уважаемый гость, как положено, прибыл к дому в надежде, что ему подкинут денег, чтобы не мешал. Только не учёл бедолага, что гость свататься приехал, в итоге был сильно избит, даже слегка покалечен, в ходе потасовки сломал палец на руке. Естественно, обратился в полицию за ущербом в его сторону со стороны мещанина.

– Ну, вот видишь, никакой разницы. Не дали сразу, заплатят ущерб в сто раз больше потом. Мошенник сейчас же в суд обратится, эти «сочинители» на том и живут. С кого бы какую копеечку правдами и неправдами забрать. Кто там сейчас старшие артелей? – уточнил Александр Иванович.

– Всё по-прежнему. На Чулковке – Феня-король нищих, на Всехсвятском – Санька-солдат. Ведут себя прилично, лишнего не загребают, в уголовном не замечены. Артели у них человек по десять-пятнадцать. Промышляют в своих окрестностях, на закреплённых и поделённых территориях.

– Продолжайте!

– Пять общеуголовных дел. Два рабочих самоварной фабрики Баташова подрались между собой пьяные. Один другого порезал ножом. Второе на вокзале, ограбили купца из Москвы, карманники обчистили, полиция занимается. Продолжается конокрадство, ещё двух лошадей увели со дворов, по-видимому, цыгане. Одного коня помещик Трескин пытался похитить у купца второй гильдии Фролова, сейчас у золотой молодёжи это как спорт, развлечение такое. Многие этим балуются, только для Трескина плохо окончилось. Его приказчики купца изловили и хорошенько отдубасили. Сейчас при смерти дома лежит.

Но это всё ничего, есть и плохие новости. Ориентировка пришла к нам и в полицейское управление по розыску беглого. Из Орловской тюрьмы сбежал осуждённый на каторгу, непростой сиделец. Бывший дворянин из города Белёва, офицер-кавалерист уланского полка. Распоряжения по поиску в губернии отданы. Агенты и филеры проинструктированы, ориентировка в почте у вас.

– Сколько раз говорить вам, не филеры, а филёры! Когда бежал? – раздражённо уточнил Муратов.

– Десять дней назад, прямо из тюрьмы, надзиратель помог. Найти бежавших пока не могут. Подробности неизвестны.

– Почему так долго не сообщали? – спросил генерал.

– Не готов доложить. Скорее всего, сами знаете, из-за безалаберности подобное случается. Вначале искали сами, затем боялись доложить. Всё как обычно.

– Как всё произошло? – уточнил начальник управления.

– Информации нет, – доложил помощник.

– Пошлите запрос в Орловскую тюрьму. Пусть подробно опишут всё, что произошло.

– Будет исполнено, – ответил Иван Иванович.

– Что у нас нового в театральной жизни и по остальным зрелищам для публики и высшего общества?

– Нового по зрелищам ничего нет. Только вот к нам в город, гастроль ожидается, труппа прибывает из Крыма, из Симферополя. Дата прибытия неизвестна пока, директор обещал своевременно сообщить о прибытии и список актёров и актёрок непременно подать. Сказал, что репертуар состоит в большей степени из драм и комедий, костюмных пьес и опереток.

Он помнит, насколько ваше высокопревосходительство уважает театральные действия. Обещал лучшие места, рядом с губернатором.

– Сколько раз говорить вам: не актёрка, а актриса. Да и понятно, вы театр не любите, считаете только средством отвле-

чения публики от житейских проблем. Напрасно, надо посещать, развиваться. Это новость хорошая, посмотрим, что за чудную постановку привезут гости. У них там в Симферополе театр известный, имеет богатейшую историю и прекрасных исполнителей. Обязательно посетим, передайте директору благодарение, поклон от меня и супруги за приглашение. Там даже американские актёры выступают. Слышал я, что приезжал с гастрольями сам Айра Фредерик Олдридж, актёр-трагик. Эта новость радостная.

Тем не менее список труппы получить необходимо заранее, проверить по приезду на соответствие прибывших этому списку. Организуйте негласное наблюдение.

Во-первых, для того чтобы не допустить какой-либо угрозы для общественного спокойствия. Во-вторых, чтобы артистов никто не ограбил. У нас, сами знаете, какие ухари встречаются, им что гости, что не гости, всё едино. Давайте дальше, что газета пишет? – перешёл к следующему вопросу генерал Муратов.

– В газете всё, как обычно, сплетни местные. Объявления обычные, обывательские, много из московских газет перепечатаывают. «Губернские ведомости» сейчас в цене, опять тираж подняли. Редактор отдыхает на водах в Германии, в Баден-Бадене. Помощник редактора в запое, третий день на службе отсутствует. Недавно серию статей начали публиковать о кудеяровом кладе. Уже вторая дня четыре назад вышла, обещают до конца года продолжать по одной статье

в неделю. Вот радость для сумасшедших обывателей, кому делать нечего. Теперь наши дурни опять в поиске сокровищ, всё леса и болота обыскивают, шлются целыми ватагами. От мала до велика.

– Пусть шлются, для государства это не угроза. А вот по редакторскому помощнику весьма странно! В запойных этот господин не числился ранее, знаю я его. Возьмите на контроль этот случай. Почту ежедневную рассматривали?

– Точно так, все распоряжения отданы, почта расписана. За исключением писем на ваше имя. Их два, принёс на рассмотрение, – с этими словами помощник передал папку с документами начальнику управления.

– Спасибо, Иван Иванович, рассмотрю. Вы задержитесь часа на два на службе, если не вызову – идите домой, отдохните, – с этими словами Муратов открыл папку и начал знакомиться с письмами, не обращая внимания на выходящего помощника.

Отдельный жандармский корпус в России был создан в 1827 году. Основой корпуса являлись губернские жандармские управления. Причиной создания явилось распространение тайных обществ в империи.

Александр Иванович исполнял должность начальника управления с 1862 года. Пережил реформы, многих умных и неумных начальников, закулисные интриги всех рангов и мастей. Особенно неприятными на закате службы стали реформы 1880 года. Третье отделение и жандармский кор-

пус вошли в департамент полиции. Самостоятельность сильно уменьшилась, значит, уменьшился страх перед жандармским управлением. Но для губернского города реформы мало что изменили. Генерал Муратов по-прежнему подчинялся московскому жандармскому окружному управлению. По-прежнему боролся с инакомыслием, угрозами государству, основными из которых были политические преступления.

Раскрыв первое письмо, Муратов внимательно его прочёл. Это был донос.

Неизвестный обыватель делился своими наблюдениями за мещанином Пышкиным, который держал небольшой трактир и малую мануфактуру – цех по пошиву одежды.

Обвинял его в том, что тот собирает у себя тёмный люд по ночам, возможно, революционеров. Просил проверить мещанина на уголовную и революционную деятельность.

Вскрыл второе. Оно было более интересным, в нём излагалось следующее:

«Ваше высокопревосходительство! Обращается к Вам помощник редактора газеты «Губернские ведомости». Прошу Вас принять незамедлительные меры к защите моей жизни. Уже два дня как ошущаю за собой слежку от незнакомых людей. Вполне уверен в том, что моя квартира обыскана, так как многие вещи лежат не на своих местах.

Проживаю один, по адресу: Почтовая улица. Снимаю часть дома у мещанина Петра Трофимовича Пышкина. При обращении к оному был обруган. Получил угрозы, что сго-

нит меня с жилья. При обращении к околоточному надзирателю был подвергнут смеху. Обеспокоен за свою жизнь. Прошу меня вызвать.

С уважением, помощник редактора газеты «Губернские ведомости». Фёдор Фёдорович Шламов».

«Чушь полная, возможно, кто-то хочет руками жандармского управления конкурента устранить, неприятность сделать Пышкину. Однако дыма без огня не бывает! Опять же помощник редактора Шламов на него пишет. Надобно вначале этого редактора найти и опросить, а мещанина тщательно проверить», – прочитав оба письма и отложив их в сторону, подумал Александр Иванович.

Следующим документом была ориентировка на беглого. Александр Иванович внимательно ознакомился с ней. Суть была следующей:

«Весьма секретно. Начальнику губернского жандармского управления генералу Муратову.

Ваше высокопревосходительство, по поручению начальника окружного жандармского управления уведомляем Вас. В течение длительного времени неизвестная преступная шайка грабила купцов на дорогах. Происходило это вблизи Орла, Козельска, Белёва, Ефремова и других городов Орловской, Тульской и Калужской губерний. Имеются пострадавшие и убиенные в большом количестве. В апреле сего года сбежал из-под стражи из общей Орловской тюрьмы предполагаемый главарь данной шайки, осуждённый к катор-

ге первого разряда Михаил Иванович Ериш, бывший дворянин из Тульской губернии, города Белёва. Разжалованный в солдаты корнет кавалерии уланского полка был осуждён за нарушение общественного спокойствия и порядка. Возможно, часть шайки и пособников на свободе. Имеется мнение, что он и подельники вернутся в окрестности, где совершали свои преступные действия.

Внешние приметы. Рост средний. Два аришина пять вершков. Телосложение обычное. Волосы чёрные и короткие. Голова округлая. Лоб прямой. Подбородок острый выступающий. Выражение лица свирепое.

Особые приметы – шрам от сабли на спине. От правой лопатки на четыре вершка вниз. Местом проживания считается город Москва.

Бежал с места содержания вместе с надзирателем, Василием Борундуем. Надзиратель – бывший нижний чин уланского полка. На службу в тюрьму устроился в 1881 году. Родом из города Нахичевань-на-Дону.

Внешние приметы. Рост средний. Два аришина четыре вершка. Телосложение обычное. Волосы светлые и короткие. Голова яйцевидная. Лоб выпуклый. Подбородок квадратный. Выражение лица обычное.

Особых примет нет.

При выявлении задержать немедленно.

Особо опасны. Подробности и выписку из уголовного дела получите в ближайшее время. Вы назначены координа-

тором поиска государственного преступника, со старшинством среди орловского, калужского жандармских управлений. Дело на контроле у государя-императора.

Помощник начальника окружного жандармского управления полковник Иванов».

Муратов встал, прошёл по кабинету, задумавшись, остановился у портрета Александру III, располагавшегося на стене. Посмотрел на другие.

Значительно ниже портрета государя висели справа и слева портреты министра внутренних дел, генерал-адъютанта, графа Игнатьева и директора департамента полиции, командира корпуса жандармов Вячеслава Константиновича Плеве. Постоял. Подумал. Вышел в приёмную.

– Вызовите ко мне Ивана Ивановича, – приказал генерал-адъютанту.

Через некоторое время вошёл помощник.

– Вот что, Иван Иванович! Немедля прикажите направить людей на Почтовую. Сегодня ночью проследите, ничего не предпринимайте. Завтра по раннему утру проведите обыск у мещанина. Допросите его и всех членов семьи, приказчиков, помощников, в общем, всех. Основание – вот этот донос. Допросите и по помощнику редактора. Его комнату тоже обыщите, к обеду доложите.

Впрочем, здесь, в письме, всё сказано.

С этими словами он отдал письмо помощника редактора Шламова жандармскому офицеру. Сам вернулся в кабинет

и написал телеграфную депешу в Санкт-Петербург, начальнику государственной полиции империи.

Глава 3 Титулярный советник Тулин

Евграф Михайлович Тулин находился в кабинете в воскресный день. Он являлся помощником начальника сыскной части московской полиции по особым поручениям. Сыщик наслаждался спокойствием, выходной день всегда лучше будничного, преступлений меньше. Как правило, они происходят ближе к ночи, а сейчас было около полудня. Он читал тульскую газету «Губернские новости», переданную ему через проводника. Эти газеты поступали к нему с опозданием от двух до четырёх дней. Вот и сейчас он внимательно изучал прессу, которая вышла четыре дня назад. Такое правило сыщик завёл после того, как в прошлом году принял активное участие в расследовании кражи документов особой важности с тульского оружейного завода, в ходе которого познакомился с хорошими друзьями и даже влюбился в одну очаровательную особу.

«Что тут у нас нового?» – думал Евграф, листая газету и наслаждаясь свежесваренным чаем.

Его внимание привлекла статья под названием «Битвы за тульскую землю во времена правления Ивана Грозного». Она была подписана псевдонимом – Архивариус, и в ней

излагалось следующее: «Мы продолжаем серию публикаций об истории развития тульских земель в XVI веке. Эта публикация – вторая. В ней рассмотрим исторические события, связанные с правлением на Руси Ивана Грозного и деятельностью крымских ханов, правящих в этот период в Крымском юрте, в том числе – их связь с разбойником Кудеяром.

Крымская орда – феодальное государство, как известно, возникла после распада Золотой орды и существовала с 1441 по 1783 год. Четырнадцатый крымский хан Девлет I Герай родился в 1512 году. Правил Крымом с 1551 по 1577 год. Умер в возрасте 65 лет. Он являлся двоюродным братом османского султана Сулеймана. Полностью пользовался его поддержкой, в том числе и в военном отношении. В основном этот правитель Крыма воевал с Московским государством, которым правил, как мы уже писали в предыдущей статье, Иван Грозный. Хан добивался восстановления Астраханского и Казанского ханств, завоёванных русским царём. В июне 1552 года крымский хан осадил город Тулу, прибыв с ордой около семи тысяч воинов. Начался обстрел города, вспыхнули пожары, янычары пошли на приступ. Однако защитники крепости не дрогнули, отбили штурм и смогли потушить огонь. На следующий день сражение за город возобновилось, однако ордынцы не могли взять город, так как осаждённые сопротивлялись очень мужественно. Обороной города руководил воевода, боярин и князь Григорий Иванович Темкин-Ростовский. В Ко-

ломне в это же время находился Иван Грозный с войском. Как только царю стало известно о нападении на Тулу, он направил в помощь городу около трёх полков. Узнав о том, что к Туле идут полки, орда дрогнула и отступила. В ходе боёв русским силам удалось захватить всю артиллерию хана. Можно предположить, что в походе на Тулу участвовал и разбойник Кудеяр, которому к этому году могло исполниться двадцать шесть лет.

Следующий поход хана Девлет I Герая состоялся в 1555 году. И опять угроза нависла над тульской землёй. Хан намеревался переправиться через реку Северский Донец и напасть на Тулу. Но навстречу ему с войском выступил сам Иван Грозный, который поспешил к Туле на помощь. Данное событие повлияло на решение хана, который повёл орду по другому пути.

В дальнейшем в 1558, 1562, 1563, 1564, 1565, 1570 годах вновь орды хана подходили к Туле и Рязани. Неоднократно подвергалась разорению тульская земля в окрестностях городов и селений вблизи Мценска, Одоева, Болохова, Черни и Белёва.

Самым опасным для русских земель стал поход 1571 года, когда орде удалось сжечь окрестности Москвы. Таким образом возможно сделать вывод. Практически четырнадцать лет крымские орды не оставляли Русь и тульскую землю, сея разорение и гибель для людей, живущих на этой земле.

Имеются исторические свидетельства, о том, что одним из близких, доверенных советников хана в этих походах являлся всё тот же разбойник Кудеяр, называемый во многих исторических источниках именем Худеяр. Именно такое имя ему дал хан Девлет I Герай...».

– Позвольте войти, ваше благородие, – заявил входящий дежурный надзиратель.

Сыщик отложил недочитанную газету с исторической статьёй в сторону и оглядел вошедшего.

– А, это ты, Егор Егорович! Заходи, тем более – уже вошёл. Проходи, садись. Чаю попью, поговорим. Ну, какие новости в личной жизни, как жена, детишки?

С Егором Егоровичем Кротовым Тулина связывали давние отношения. Старший надзиратель был, так сказать, давним товарищем по розыску преступников и всяким сыскным делам. Несмотря на то что старший надзиратель был из мещан и далеко не ровня титулярному советнику Тулину, чиновнику IX класса, отношения были простыми и дружескими. Сыщик ценил надзирателя за необычайную полицейскую хватку, немногословность, порядочность и преданность делу.

– Новости есть, вот ориентировку принёс по особому преступнику, некоему беглому каторжнику Ершу. Из управления обер-полицмейстера Москвы поступила. Струков приказал довести до всех помощников и другого состава отделения.

– Дай взглянуть. А ты пока чай налей, по-свойски. Сегодня вот газету из Тулы передали и с ней пряников тульских, угощайся! Продукт весьма полезный и необычайно нужный, особо влияет на развитие ума и приводит к омолаживанию. Но только по одному в день, так прописано в рецепте известных докторов. Иначе можно незаметно впасть в малое детство.

– Ну вы и шутник, Евграф Михайлович, скажете тоже – в детство! Благодарствую. С удовольствием. Я, когда в Туле в прошлом году с вами был, очень к ним привык, хотя пряник ребёнку радость, а старцу покой нужен.

– Какой же ты старец, ты у нас молодец. Кушай!

Сыщик взял ориентировку у надзирателя и внимательно прочёл содержимое.

– Егорыч, ты читал? Вот так «рыба». Бывший офицер. Надзиратель, небось, его бывший подчинённый, специально заранее устроившийся в Орловскую тюрьму. Скорее всего, такой же предатель в тульской и калужской тюрьмах должен быть. Этот Ерш предусмотрительный, грабил между городами Орёл-Тула-Калуга. Поэтому и предусмотреть должен был, что если попадётся, то везде свои люди внедрены. Хитёр! Помню я, в прошлом году много разговоров было о дерзких ограблениях в тех местах. Говорили, что какая-то шайка сильно зверствует. Никого в живых не оставляла при разбоях. В лицо главаря никто не видел. Что скажешь? – спросил сыщик.

– Так и есть! Уланы оба. А кто такие уланы? Это разведчики, смельчаки и опасные «рыбы». Трудно его поймать будет. Видно, и места, где схорониться, есть, но в Москву не пойдёт. Ему сейчас одна дорога, через Крым в Турцию или через Закавказье. Там затеряется, денег, небось, награл! – ответил надзиратель.

– Я, Егорыч, с завтрашнего дня получил свободные дни, правда, всего неделю. Николай Никифорович пожаловал за последнее наше с тобой дело «Белый ювелир» в качестве благоволения! Тебе премию небольшую должен дать, не помешает. Вот и отдохну, кроме того, с начала года я начал увлекаться китайским языком и модными физическими упражнениями. Мастер китайский в Москве платные уроки проводит. Учит, как без оружия противника побеждать и всякие штучки применять для поражения соперника на расстоянии. Сегодня собирались с ним прогуляться, о философии жизни поговорить. Очень занятно, хочу я тебе сказать. Ты не желаешь? – радостно сообщил Тулин, небрежно бросив ориентировку на стол. – Поэтому ловите пока без меня, думаю, справитесь, не впервой.

– Что за мастер такой, и откуда в Москве китаец?

– Если тебе интересно, тогда расскажу. Как открыли для торговли российско-китайскую границу в 1862 году, так и жители Поднебесной стали появляться в государстве. В начале этого года в Москве появился настоящий китаец, мастер Чан. Он долгое время прожил в Приамурье и достаточ-

но сносно разговаривает на русском. Как его настоящее имя, для чего и отчего приехал, я не знаю. Вот, железные шары мне подарил, называются «баодинг», для тренировки кистей рук. Однако можно умеючи и в лоб отправить, но при хорошей сноровке. Думаю, мало не покажется.

– Язык сломаешь, барство всё это. Ну их, китайцев, не по мне эти забавы. По-русски как дашь от души, иной раз, анчутке какому в глаз за воровство или другие грешные дела, вот и вся «ниндзя». Может, китаец ваш – иностранный лазутчик? Секреты наши изучает, не думали об этом?

– Думал об этом. Нет, не похож мастер Чан на лазутчика, слишком открыто живёт на публике. Кроме того, думаю, что он и без нас находится на контроле жандармского управления, там целое делопроизводство по этому направлению существует. Он больше похож на изгнанника, сбежавшего из своей страны не по собственной воле. Есть здесь какая-то тайна, потом узнаем! Всему своё время.

– Баловство и забавы дворянские, одним словом. Все баре как баре, в крокет играют, в велосипедных клубах состоят. Только вам неймётся, всякими диковинами занимаетесь, – шуточно возмутился Кротов.

– Да нет, Егор Егорович! Совсем не баловство и не забавы. Вон, в Санкт-Петербурге ещё при градоначальнике Фёдоре Фёдоровиче Трепове начали изучать джиу-джитсу, такой японский бой. Очень помогает захватить преступника без оружия, без шашки. Хотя он может быть вооружён но-

жом или другим каким предметом. Как только у них начали всему этому учить, так удача в розыске и задержании всяких убийц, беглых и прочего незаконного люда сразу возросла. У нас тоже с этого года должны приступить к этой науке. Тебе тоже придётся попотеть, так что готовься пока.

– Вот когда прикажут, тогда мы и начнём приказы выполнять. Всякие ваши «ниндзи» и «джитсы» учить и себя мучить. Это всё слабому человеку нужно, от слабости исходит. Наш русский человек и без этой науки побеждает. Баловство, да и только! Ну их всех. Вы лучше расскажите, куда ваше благородие собирается в свободные дни поехать? – уточнил Егор Егорович.

– Куда, куда, в Тулу поеду, пряники есть и омолаживаться. К Брежнёвым! – радостно сообщил Евграф.

– Что-то вы зачастили в Тулу. Что, мёдом там намазано? Они же были у вас на Рождество. Забавы всякие посещали, кулачные бои на Москве-реке, на санях в Сокольниках и Марьиной роще катались, – хитро спросил надзиратель, с удовольствием надламывая уже второй пряник.

– Да я не только к ним. Домик хочу приторговать в окрестностях, на усадьбу и поместье за всю жизнь не заработать. Присмотреться хочу, может, и приобрету, надо же думать о будущем. Где-то и старость надо будет коротать. Мастер Чан говорит, что в молодости мы летаем пташкой, в старости ползаем черепашкой. Потихоньку начну, глядишь, что и путное получится из этой затеи. Хоть и говорят, что от старости

только могила вылечит, но самому о себе думать нужно.

– Это правильно, загодя надо готовиться к старости, заодно и друзей-товарищей повидаете. А венчание скоро аль нет? – опять хитро спросил надзиратель.

В прошлом году Тулин занимался поиском пропавших документов в Туле. Тогда, почти год назад, ему пришлось расследовать деятельность секты скопцов. Эта секта, возглавляемая тульским купцом первой гильдии, похитила с оружейного завода чертежи секретного оружия, затем пыталась их использовать в расширении своего влияния и шантаже. Именно в то время Тулин познакомился с графской семьёй, братом и сестрой Бобринскими-Брежнёвыми. Более того, увлёкся не на шутку графиней Ольгой Владимировной.

– Какое венчанье с моим доходом? Ни кола, ни двора, – ответил сыщик.

Кротов ответ дать не успел, вошёл коллежский советник Струков. Его гражданский чин соответствовал VI классу и приравнивался к армейскому званию – полковник.

Николаю Никифоровичу шёл пятьдесят шестой год. Он стал первым начальником сыскной части после её создания. Тулин и Струков были знакомы уже четвёртый год. Николай Никифорович родился в Малоярославце Калужской губернии, недалеко от Тулы. Отношения у них были земляческими, почти дружескими, так как оба искренне уважали друг друга за служебные качества.

– Что, собутыльничаете с надзирателем? – войдя, шутливо

спросил Николай Никифорович.

– Как можно, ваше высокоблагородие! Только чай, сегодня собираться нужно на отдых, – с улыбкой ответил Евграф.

– Шучу. Пойдёмте ко мне в кабинет, оба. Дело есть.

Сыщик и Егор Егорович переглянулись и последовали за начальником. Войдя в кабинет, Струков пригласил обоих присесть за стол. Как только они заняли свои места, он начал говорить.

– Вы, Евграф Михайлович, видимо, изучили ориентировку на беглого каторжанина. Этот преступник весьма опасен, думаю, что вы такого же мнения. Поступила телеграфная депеша из Санкт-Петербурга, от товарища министра внутренних дел – начальника департамента государственной полиции империи, фон Плеве. Полчаса назад её расшифровали, прочтите!

С этими словами он передал депешу Евграфу, тот взял её в руки и прочёл:

«Весьма секретно. Обер-полицмейстеру города Москвы генералу Янковскому.

Начальнику сыскной части, коллежскому советнику Струкову. В апреле совершили побег из Орловской тюрьмы государственный преступник Михаил Ериш и его пособник, бывший надзиратель данной тюрьмы Василий Борундуй. Ориентированы все полицейские и жандармские управления империи. Основная преступная деятельность происходила в Тульской губернии. Старшим координатором ро-

зыска определён начальник тульского губернского жандармского управления.

В адрес департамента государственной полиции поступило ходатайство от генерала Муратова о выделении розыскной группы от московской сыскной части. Приказываю выделить оную группу от Вас.

Прибыть в Тулу завтра к исходу суток. Следовать под прикрытием обычных мещан или хитровской деловой голытьбы, не раскрывая принадлежность к полиции. По прибытии поселиться в ночлежке Чулковской слободы. В ночь пройдёт обыск. Спровоцировать задержание своим поведением. Инструкции получите позже.

Помощник по особым поручениям, начальник департамента государственной полиции фон Плеве».

– Прочёл? – спросил Струков.

– Прочёл, Николай Никифорович. Я же получил от вас неделю отдыха. Домик хотел подобрать, землицы в Тульской губернии прикупить.

— Во-первых, вы государственный чиновник, отдых вам положен в случае болезни или как благодарность за службу, в случае благоволения. В остальном отдыхать вы должны в дни праздников, вам это известно. Да, хотел дать за хорошую службу вам отдых, но сейчас возможности нет. Обещаю, дело сделаете, можете задержаться в Туле на неделю. Вы знаете город и губернию, вам эта задача по плечу. Выезжайте вместе с Кротовым. Да, вот ещё, чтобы соблазна не бы-

ло, письмо напишите Бобринским, что приехать не можете. На испрошенное вами время для отдыха и поправку семейных дел предоставлен отказ. Дело серьёзное, сам министр на контроле держит. Сам понимаешь, преступник – бывший офицер и дворянин, людей много поубивал. Там и дворяне, и купцы, и мещане, никого не жалел. Муратов про тебя вспомнил, вот и постарался, связи свои поднял. У него с господином Плеве хорошие отношения, попросил – и сразу депеша к нам на стол.

– А если по-другому посмотреть, то если мы нужны для дел государственных, так этим только гордиться нужно, – ответил Тулин.

– Вот это правильно, Евграф Михайлович! Прикрытие сами продумайте. С гримом связываться нельзя, потому как надолго в преступный мир внедряетесь, не будете же с собой всякие краски и накладные бороды носить. Нужно естественно выглядеть. Егор Егорович почти соответствует образу хитровского босняка-делового, если его соответственно приодеть, – сказал Струков, с улыбкой осмотрев надзирателя с ног до головы. Кряжистая мощная фигура с короткими и широкими кистями рук, круглое лицо с большой бородой с проседью, седоватые прямые и густые волосы на голове, нависающие над глазами строгие и толстые брови, пронзительный, тяжёлый и жёсткий взгляд подходили под необходимый образ полностью.

– А вот тебе, Евграф Михайлович, над собой надобно что-

то сделать. Учить не буду, не в первый раз. Всё, господа, жду с хорошими новостями, – с этими словами Струков зарылся в бумаги, давая понять, что беседа закончена.

Тулин считал себя довольно привлекательным мужчиной, по крайней мере, так говорили многие женщины. Благодаря постоянному занятию гимнастикой и физическим тренировкам он был строен и хорошо сложен. Придерживался современной строгой моды в причёске и ношении бороды, предпочитая стиль «а-ля пуританин». Это предусматривало боковой пробор, отсутствие усов и короткую аккуратную бороду. Однако небольшие усы по совету друзей Евграф всё-таки отрастил, так ему было лучше. С усами он выглядел мужественнее и серьёзнее. Борода была обязательной в современном обществе, а в органах государственного присутствия – тем более. Она даже являлась залогом удачной карьеры, а с этим не шутили. С воцарением на престол Российского государства императора Александра III, носившего бороду лично, мода на них начала охватывать весь высший свет. Кроме того, Тулин считал себя воспитанным человеком и образованным, так как много читал разной литературы, в том числе научной. Он строго придерживался скромности во всём, даже в одежде. Она не приводит к зависти окружающих, не бросается в глаза. С его работой это был не просто принцип, а жизненная необходимость.

Однако для поездки в Тулу эти достоинства, скорее, являлись недостатками. Попрощавшись с начальником сыскной

части, Евграф и Кротов наметили план своих дальнейших действий. Продумали, каким образом им создать необходимые образы «деловых людей с Хитровской площади», и условились встретиться на следующий день недалеко от вокзала. Путь предстоял в губернский город в вагоне третьего класса. Актёрствовать и гримироваться им было не привыкать, буквально неделю назад они закончили одно дело в Москве под названием «Белый ювелир».

Глава 4 Алюминиевые украшения

Суть дела такова. Один достаточно обеспеченный, но очень престарелый московский князь К., болевший приступами сердца, сдал ювелиру С., видимо, имевшему хорошие рекомендации, алюминиевые украшения для работы.

Это были кольцо и ожерелье жены, отдал он их для чистки, исправления погнутостей и добавления каких-то подвесок и кулонов. Обладание подобной роскошью было доступно малому кругу лиц. Наличие подобных украшений говорило о том, что князь был действительно очень богат или очень любил свою молодую жену.

В Европе к этому металлу испытывал искреннюю тягу император Наполеон III, племянник знаменитого Наполеона I Бонапарта. Именно того Бонапарта, которого русская армия разбила в России и гнала по всей Европе аж до самой столицы – Парижа. Высшее общество судачило, что император переплавил весь запас алюминия Франции в столовые приборы. Более того, на приёмах он и члены его семьи кушали на алюминиевой посуде, а остальные высокие гости – на золотой и серебряной.

Супруга князя, княгиня Н., оказалась большой модницей и любительницей европейской ювелирной моды. Она была весьма молодой и задорной во всех отношениях, в отличие

от своего сторбленного мужа. Драгоценности, как выяснилось, были очень дороги и приобретены во Франции у знаменитого ювелира Онорэ Бурдонклема, на выставке в Париже, проводимой под патронажем императора Наполеона III.

Как узнал сыщик, килограмм алюминия стоил около тысячи двухсот долларов, или около тысячи пятисот рублей. Огромные деньги. Через неделю драгоценности были успешно забраны самой красавицей супругой в сопровождении служанки непосредственно у того самого мастера. Месяц, второй прошли прекрасно. По словам жены князя, в течение всего этого времени она неоднократно надевала украшения в свет, на различные балы и просто для посещения светского общества. Ничего не предвещало беды, но через некоторое время княгиня начала замечать, что алюминиевые украшения начинают чернеть, как самые обыкновенные плебейские – серебряные. Её охватили ужас и меланхолия от угрозы потерять такие ценности. Заподозрив мошенничество в ювелирной лавке, естественно, пожаловалась мужу.

Князь, недолго думая, наведлся в ювелирную лавку в сопровождении слуг и потребовал объяснений. В ответ он получил расписку, которую оставила его супруга. В ней чёрным по белому было написано, что его прелестница жена получила все изделия полностью и претензий не имеет, осмотрела их и даже оставила письменный лестный отзыв. Вызванные князем заслуженные в своём деле ювелиры путём проведения опытов подтвердили инородный металл в украшениях,

скорее всего, серебро.

Дело в том, что серебро трудно отличить от алюминия, но способы имелись. Серебро подвержено нагреванию, а алюминий нет. Поэтому простое содержание металла в горячей воде через некоторое время показывает правду о составе. Серебро нагревается быстрее. Кроме того, алюминий окисляется от уксусной кислоты, а серебро нет. Имелись и другие способы. Разгневанный князь К. подал в суд за обман и потребовал мастера, работавшего с украшениями, арестовать как мошенника, предъявив письменные записи привлечённых оценщиков – мастеров ювелирного дела. Перед этим он объехал весь высший свет Москвы и везде рассказал о происшествии, случившемся с ним, обещая наказать мошенника и обманщика. В установленный день состоялось судебное разбирательство. На заседание были вызваны ювелир С. – виновник – и ещё трое самых известных ювелиров Москвы для проведения проверки подлинности. В течение нескольких часов каждый из них совершал замысловатые действия с колье и ожерельем в целях выяснения правды и повышения своей известности в среде публики.

Через три часа был вынесен вердикт – драгоценности подлинные. Все газеты раструбили о глупости старого князя, а он сам упал с разрывом сердца, когда узнал о позоре на всю Москву. Теперь уже ювелир С. подал в суд на князя за подрыв коммерческого уважения и потребовал круглую сумму за ущерб и потерю деловой репутации. Вновь все газе-

ты Москвы раструбили об этой новости. Князь К. был приглашён в суд, вельможа вновь охватил удар, от которого он оправиться не смог и перешёл в иной мир.

Сын князя, подпоручик гвардии, некий М., прибыв из действующей армии, похоронив отца, не поверил в случайность смерти и обратился по старым связям к обер-полицмейстеру Москвы. Тот, в свою очередь, – к начальнику сыскной части Струкову, затем поручение перешло к Евграфу Михайловичу. В помощь ему был направлен Егор Егорович Кротов, старший надзиратель.

Ситуация была неоднозначна, злой умысел было предположить трудно, но возможно. Сыщик начал с простейшего изучения личностей этой драмы. Начал с ювелира С., тот был малоизвестным специалистом в высших кругах общества белокаменной. Почему выбор князя выпал именно на него, оставалось загадкой, князь уже умер. Можно было предположить, что кто-то ему посоветовал именно этого мастера.

Сама очаровательная и молодая княгиня происходила из обнищавшей московской семьи дворян, ранее выступала в театре не на первых ролях. Там её и заметил большой любитель театров и женщин престарелый вельможа К., живший один, без спутницы жизни. После замужества дама с театром покончила окончательно и бесповоротно, поссорившись с бывшими товарищами и подругами по сцене, тем самым нажив среди них истинных завистников, завистниц и врагов. Узнать это не представляло труда, закрутив небольшую ин-

трижку с бывшей подругой княгини по сцене – бездарной актрисой, но считавшей себя гениальной личностью.

В ходе непродолжительных встреч Евграфу удалось узнать, что отношений с прежними поклонниками княгиня Н. не потеряла, среди них особо выделялся молодой и красивый офицер московского гарнизона, повеса и отчаянный пьяница. Организовав за ним слежку, удалось узнать, что тот часто бывает у ювелира С., замешанного в данной трагичной истории, и более того, как выяснилось, является его племянником. Это уже было интересно!

Через несколько дней Тулин, переодевшись в форму своего бывшего военного формирования императорской армии, в одной из ресторанов представился офицеру как штабс-капитан Крымского 73-го пехотного, Его Императорского Высочества Великого князя Александра Михайловича, полка. Завязалось шапочное знакомство. После нескольких рюмок водки сыщик спросил, не знает ли он хорошего ювелира, способного сделать копию женских украшений, не поясняя цель своего интереса. Тот предложил услуги своего дяди-ювелира. Во время застолья офицер хвастался, весело ухмыляясь, что скоро он женится на очаровательной даме, ставшей внезапно вдовой. После этого вечера Тулину всё стало ясно. Мошенничество и злой умысел налицо, но доказать их было сложно.

Решили понаблюдать за служанкой и сделали вывод, что та является сообщницей княгини, потому как каждые два

дня захаживала она в ювелирную лавку, видимо, для предоставления информации и получения оной от молодого офицера.

Тогда сыщик с Кротовым предположили, что этих украшений – два экземпляра, один настоящий, а другой поддельный, из серебра. Было возможным, что княгиня Н. специально меняла их, для того чтобы опорочить старого князя и довести его до смерти.

Решили сделать следующее. Они предложили сыну князя К., всё ещё проживавшему в доме покойного родителя, заявить всем, что он попросил учинить обыск в доме покойного князя, и вскорости появится полиция. Видимо, княгиня Н., испугавшись и поверив в обещание, решила избавиться от поддельных ценностей и отправила их немедленно со служанкой к ювелиру. Служанку арестовали, как только та вышла из дома, при ней были найдены ожерелье и кольцо, выполненные из серебра.

Евграф Михайлович вместе с Кротовым немедленно вернулись в дом и потребовали от княгини представить украшения, та вначале сопротивлялась, но затем представила, не ожидая подвоха. Как только это произошло, ввели заплаканную служанку и сравнили украшения. Они как две капли воды были похожи друг на друга. Впрочем, в суде дело развалилось, так как злой умысел доказать не удалось. Все, кто довёл князя до смерти, были связаны круговой порукой. Но княгиня Н. уступила наследнику – подпоручику

М. значительную часть наследства без судебных дразг. Все остались довольны, кроме покойного князя, любителя театров, молодых женщин и алюминия. Как говорится, где чёрт не справится, туда бабу пошлёт.

Глава 5 Год 1526. Суздаль

Белёвский боярин Тихон Тищенко не один раз воевал против Крымской орды и выполнял опасные указы царя с риском для жизни. Поэтому ко всему он подходил очень ответственно, так как в воинском искусстве мелочей нет. Первым делом он прибыл на посад ко двору суздальского воеводы. Представил царскую грамоту и сам показался. Воевода его прибытию совсем не удивился, видимо, заранее был оповещён о прибытии царственной инокини с конвоем. Он, проявляя гостеприимство, немедля пригласил боярина Тищенко поселиться у него вместе с женой. Тихон приглашение принял, поблагодарив за добрую встречу. Однако ему этот человек не понравился, хитёр больно и проницателен казался, хотя и служба не простая – воеводская, за всеми глаз да глаз нужен. Но и выбора у него не было, сам был обязан надзирать за опальной царицей, а воевода надзирал за ним. Таково-то служить при сильных мира сего, сам себе не хозяин, каких бы званий и чинов ни имел.

Боевых холопов разместили в приказной избе. Лошадей, возки и скарб в возках оставили до утра на улице, приставив к ним сторожей из своих конвойных воинов-холопов. На следующий день воевода обещал выделить для них отдельную избу, уплотнив посадских. Своих людей боярин распределил

на службу и на отдых, сразу назначив сторожевой разъезд – по два боевых холопа в ночь, со сменой в один раз. Приказ отдал смотреть во все глаза, вокруг монастыря и на посаде, чтобы покой великой монахини беречь надёжно.

«Мало ли что случиться может, – думал боярин. – Великий князь на плаху голову боярскую положит без раздумий. Хоть и опальная жена великая княгиня и бывшая царица, но жена. Да и мало ли как повернётся. Род Сабуровых, хоть и не самый многочисленный и богатый, но и не последний на Руси. Куда ни кинь, везде клин».

Поблагодарив воеводу, Тищенко распрощался с ним до утра. Постоял на улице, посмотрел на месяц, подышал морозным воздухом и пошёл к жене.

– Как расположился? Все ли приказы отдал? – спросила Марьюшка, надёжный спутник и любимая женщина.

– Посты разъездом отправил, возки под охрану взял. Воевода местный мне не нравится, услужлив на виду, а сам глазами так и ест. Помимо нас в Москву докладывать будет обо всём происходящем. Осторожнее с его женой будь, лишнего не говори. Завтра поутру на молитву ступай, помолись, дождись княгиню. Увидишь её, спроси, куда скарб отвезти? Поговори, окажи уважение и заботу. Может, пожеланья у неё какие будут? Да и грамоту царя мне отдать ей нужно. Перед отъездом сам мне вручил и наказал на месте представить. Как сама себя чувствуешь, не растрясла дитё?

– Нормально всё у меня, Тихон. Дорогу легко перенесла,

да и плоду всего три месяца. Княгиню жалко, говорят, насильно постригли, – ответила Марьюшка, готовя постель.

– Дело не наше, царское, меньше говорить будем, дольше проживём. Давай спать, устали в дороге, утром разбираться будем, как жить и служить дальше.

Ночь прошла без происшествий. Жена боярина Тищенко-ва с заутренней молитвы пришла радостная. С порога объявила, что великая инокиня ждет боярина. Кроме того, сообщила, что Соломония, по новому обращению инокиня София, милостиво с ней поговорила и просила, чтобы чаще заходила, не чуралась. Справилась о здоровье, впервые заметила её состояние, поинтересовалась, на каком месяце ходит. Кого ждём и желаем, уточнила. Приказала, чтобы скarb её в монастырь отправили, все три возка на монастырский двор определили.

Боярин внимательно выслушал, немедля собрался и последовал в монастырь. Прибыв, был допущен без волокиты, видно, что ждали. Вошел в церковь, помолился, затем, выйдя из храма, увидел бывшую великую княгиню, гулявшую по монастырскому двору в сопровождении настоятельницы. Видимо, знакомилась с монастырём. Тищенко-в подошёл, низко поклонился, попросил выслушать. Получив разрешение, вручил грамоту Великого князя. Великая инокиня грамоту взяла, внимательно посмотрев на Тищенко-ва, прочла не торопясь.

– Откупился муж бывший, государь наш Василий Иоан-

нович. Сёла Вышеславское и Борисовское со всеми починками дарит, – обратилась она к настоятельнице, – о чём в этой грамоте писано.

– Где эти сёла, не знаешь, боярин? – спросила инокиня у Тищенкова.

– Неизвестно мне, государыня, – ответил Тищенко, уважительно кланяясь.

– Недалече здесь, матушка-государыня. Верстах в тринадцати от Суздаля село Вышеславское, а в двадцати верстах – Борисовское. Сёла хорошие! – ответила, обрадованная подарком, настоятельница.

Она справедливо полагала, что сёла, полученные от московского государя, принесут хороший доход монастырю, так как самой инокине деньги теперь были ни к чему.

– Не кланяйся более, боярин. Не государыня я тебе. Инокиня я, в постриге София. Жена у тебя умная, смотрю, язык за зубами умеет держать. Пусть чаще ко мне приходит, по нраву мне. Не против? – обратилась к боярину бывшая княгиня.

– Нет, госуд..... Нет, матушка. За честь почту! – ответил он и поклонился.

– Вот и хорошо. Завтра в это время запряги и подготовь возок свой, мы с ней поедem в село Вышеславское, если оно недалече. Сам проводишь конно, охраны много не бери. Если не против, конечно, – с этими словами она, перекрестив боярина, повернулась и пошла по дорожке вглубь мо-

настыря в сопровождении настоятельницы.

Весь день прошёл в хлопотах. Тищенко снял две избы, заплатив хозяевам, которые с удовольствием согласились за хорошую плату съехать к родственникам. В одной, похуже, поселил боевых холопов. Во второй сам поселился с женой. Близкие отношения с воеводой решил пока не налаживать. Своим людям поставил задачу задерживать всех людишек, неважно, какого чина будут. Кто на Москву или Владимир вдруг соберётся или из Москвы и Владимира ехать или идти будет. В связи с этим он поставил три разъезда, все на дорогах в сторону Москвы и Владимира, чем вызвал недовольство воеводы, который не понимал, зачем такие опасения по поводу охраны инокини. Выслушав воеводу, ссориться с ним не стал, но и приказ не отменил, сославшись на государев указ головой отвечать за безопасность инокини, матушки Софии. На следующий день в установленное время боярин Тищенко выехал в село, сопровождая великую инокиню и свою супругу. С собой взял одного боевого холопа, не хотел снимать разъезды. Местечко действительно оказалось на расстоянии тринадцати верст от Суздаля. Только зимняя дорога была плохой, поэтому ехали дольше, чем было бы возможно. Через три часа добрались. Бывшая великая княгиня село осмотрела, отдала указания старосте по поставкам продуктов в монастырь. К вечеру вернулись в святую обитель, ещё засветло.

Отношения между инокиней и его женой складывались

добрые, всё время, пока ехали в село и обратно, они живо о чём-то о бабьем разговаривали. Иногда даже весело посмеивались.

Прошло три месяца, наступила весна. Время в Суздале шло долго, после московского веселья в провинции было скучно. Но делать было нечего, отмены приказа государя о службе при монастыре не было. Дошли слухи о свадьбе Великого князя с Еленой Глинской, дочерью литовского князя Василия Глинского, по прозвищу – Тёмный. Сам Василий Глинский к этому времени уже умер, поэтому опекуном был дядя, князь Михаил Глинский. Они оба в своё время бежали в Москву после неудачного мятежа 1508 года против великого литовского князя Сигизмунда. Свои высокие места умудрились при московском дворе найти и занять. Михаил Глинский и раньше был на высоком положении при дворе государя, Великого московского князя Василия Иоанновича, а теперь и подавно стал самым близким другом.

В положении Тищенкова свадьба ничего не изменила. Служба неизменно продолжалась тем же чередом. Один раз съездил во Владимир, привёз подарки жене. Не забыл подарками одарить инокиню и настоятельницу.

Отношения между женой и инокиней Софией с каждой неделей улучшались, виделись они ежедневно. Жене ходить пешком стало уже неудобно, шёл шестой месяц положения. Поэтому она ездила в монастырь в возке. По праздникам Тищенко и сам бывал в монастыре для молитвы. Жизнь про-

текала незамысловато, тихо, в спокойствии и благочинии.

Но однажды спокойствие закончилось.

– Поговорить с тобой хочу о важном, – таинственно сказала Марья однажды, вернувшись от великой инокини.

– Говори, послушаю тебя, любовь моя, с удовольствием, – весело ответил боярин, думая, что жена желает поговорить о предстоящем появлении на свет ребёнка.

– Великая княгиня в положении от царя и бывшего мужа! Плоду тоже примерно шестой месяц пошел. Как и мы, ждёт мальчика, наверное, в одну неделю на свет Божий родятся.

– Ты что придумала? Как это? В каком положении? Что же теперь будет? Как Великий князь на это посмотрит? Беда! Так у него наследник появится! Но он же Елену Глинскую под венец привёл? – спросил боярин, ужаснувшись.

– Так и есть, сама мне сказала. По срокам у неё всё сходится, дитё от Василия Иоанновича! Просьба у неё к нам, необычная и великая.

– Какая просьба? – настороженно спросил боярин.

– Просит взять ребёнка к нам в семью, вывезти его отсюда и воспитать как своего, как родного. Матушка княгиня всё продумала. Рожать будем в одно время примерно. Если Господь даст, дети родятся здоровыми. Никто не должен узнать, один ребёнок у нас родился или два. Я с этой целью живот укутывать буду, чтобы казался больше. Если соглашаемся, ходить к ней перестая. Она сама знак даст, когда нужна буду, после рожденья дитё передаст нам. А сама как бы его похо-

ронит! Скажет, что умер, могилу никто не посмеет беспокоить. Да и приказа такого никто не посмеет дать.

— А как же настоятельница, она что, молчать будет или поминать якобы умершее дитя не станет? А если будет поминать живого человека с целью укрывательства истины, так это грех великий! — спросил удивлённый и испуганный Тищенко, в нервном состоянии заходя в избе.

— Настоятельница — не наша головная боль. Княгиня сказала, что всё решит с матушкой настоятельницей, это дело богоугодное. Уничтожат князя Глинские высокородное дитя. Зачем им сабуровский наследник на троне? Матушка София сказала так: как только ребёнок родится, она письмо Великому князю отправит. Там отпишет, что смирилась со своей участью. Напишет, что ребёнок родился и умер сразу, а она остаток своей жизни проведёт в замаливании грехов людских. Будет молиться о судьбе княжества и о Василии Иоанновиче. Благословляет его на счастливый брак и зла не имеет. Там же попросит, чтобы отпустил он нас со служения в Суздале и позволил уехать в вотчину, в Белёвское княжество. Оно удельное, московским боярам недоступное. Совсем недавно от Великого Литовского княжества отошли, там рука Глинских дитё не достанет.¹

Бывшая княгиня прожила с государем Василием Иоанно-

¹ Феодалное княжество в верховьях реки Оки, входившее в Одоевское княжество-государство под правлением Литвы. Только в 1494 году белёвские князья, по рождению Рюриковичи, перешли под власть Москвы.

вичем почти двадцать лет. Знает его хорошо и считает, что Великий князь поступит так, как она скажет и попросит, потому что любил он её и любит до сих пор. Просто не мог по-другому, бояре заставили, заговор тёмный свой воплотили. Думный боярин и главный советник Великого князя Иван Шигона-Поджогин всему виной. Он главный был в обвинениях в колдовстве и знахарстве против великой княгини Соломони и насильно принудил её к постригу. Если и будет государь догадываться, что дитя родилось и не умерло, противиться этому не будет, промолчит.

Кроме того, попросит она, чтобы отписал государь Василий Иоаннович белёвскому удельному князю Ивану Ивановичу чтить нас и защищать!²

— А что далее делать? — спросил боярин в тягостном раздумье.

— Просит инокиня воспитать её дитё как настоящего знатного воина, искусного в военном деле. Когда совершеннолетия достигнет, всё рассказать ему без утайки и перстень отдать старинный, ордынский. Перстень непростой, с тамгой предков, родовым фамильным знаком татарских мурз, а потом уже московских бояр Сабуровых. Кроме того, напишет именную грамоту, подтверждающую его высокое рождение и права. Деньги и драгоценности великие она нам даёт

² Последний самостоятельный князь Белёвского княжества. В 1558 году царь Иван Грозный сослал его в Вологду, где он умер бездетным. С его смертью удельное княжество прекратило существование.

на воспитание ребёнка. Что скажешь, Тихон? – с волнением спросила жена у боярина Тищенкова.

– Боязно мне, против государя пойдём. Страшно, а если узнает кто? Тогда не сносить головы. С другой стороны, может, и правильно это, спасти ребёнка. Воспитаем как своего. Белёвское княжество удельное и самостоятельное, нас там никто не достанет, если князь белёвский не выдаст. Всё будет ясно по письму государя и Великого князя. Если отпустит с миром в вотчину, значит, великая инокиня права. Если нет, то головой своей ответим. Так тому и быть! Завтра сообщи великой княгине, что на всё её воля, мы согласны. Дай Бог, всё получится, – ответил боярин Тищенко, решившись на великое тайное дело.

Глава 6 Побег каторжников

Новый день не принёс генералу Муратову никакой радости. Утром помощник начальника губернского жандармского управления Иван Иванович доложил о результатах ночного наблюдения за домом мещанина Пышкина.

Наблюдение, обыск и допрос его самого и родных результатов не дали. В ходе полицейской операции было выявлено, что задержанный занимается скупкой верхней одежды, как старой, так и новой, возможно, и краденой. Скупку он проводил от случая к случаю, если подворачивался выгодный коммерческий интерес. Вещи скупал очень дёшево, наживаясь на нужде обывателей, продающих последнее. Покупку краденых вещей мещанин отрицал клятвенно. Всё скупленное отправлял в швейный цех, там вещи перешивали и давали им новую жизнь, затем продавали на базарах и рынках в ближайшей округе, в том числе вывозя для продажи в Белёв, Алексин и другие уездные города. Для этой цели Пышкин нанимал от случая к случаю приказчика.

Обыск жилья помощника редактора, мещанина Шламова, тоже ничего не дал. Следов грабежа не было, всюду был порядок. Жилец был чистюлей и следил за своим местом проживания достойно. Пышкин пояснял, что Шламов задолжал ему за последние два месяца, видимо, поэтому и написал

кляузу. Клялся, что к его пропаже не причастен, понятия не имеет, где находится данный господин. В целом отзывался о помощнике редактора как о человеке степенном и порядочном. По его словам, сам Шламов в дом не приходил уже несколько дней, чего за ним ранее не замечалось.

– Может, дама у него какая есть, у этого господина Шламова, – спросил Муратов у Ивана Ивановича.

– Эту версию тоже отработываем, пока результатов нет. Никто из его приятелей про даму сердца не знает.

– А что, Иван Иванович, на наш запрос в Орёл ответ пришёл?

– Так точно, ваше высокопревосходительство.

– Что там? – спросил генерал.

– Как ребёнка орловского тюремного начальника обвели вокруг пальца, оказался жадным до денег. Про честь мундира и отечество забыл в миг, когда запахло золотым тельцом. Я принёс ответ для ознакомленья.

– Хорошо, прочту. Сегодня московским поездом титулярный советник Тулин с помощником прибывает. Следует в третьем классе, под прикрытием, в образе уголовных босяков с хитровской площади, может, и в гриме. Должен поселиться в ночлежке в Чулковской слободе. Как стемнеет, проведите проверку в ночлежке с пристрастием, хорошую полицейскую облаву. Тулина и помощника его арестуйте, и ещё кого-нибудь вместе с ними за компанию. Хватите самых дерзких, подозрительных и опасных, человек

шесть, не меньше. Причину придумайте сами. Как возьмете босяков, сразу тащите в управление. Тулина поместите вместе со всеми задержанными. Полицейскую операцию сам возглавь, не могу никому это дело доверить, очень важное. Розыск мещанина Шламова продолжайте, описание всем дворникам раздайте, агентам, филёрам. Мещанина Пышкина на три дня закройте в камеру, если факты скупки краденного не подтвердятся, отпустите. А если подтвердятся, то действуйте по закону.

– Ваше высокопревосходительство, так к нам группа с сысского отделения Москвы приезжает? Я так понимаю, по поиску Ерша и его подручных. Но ведь уверенности в том, что Ерш в Тулу соберётся, никакой нет, я думаю, что он в бега уйдёт. Зачем нам эта группа?

– Знаете, Иван Иванович, если в Туле группа не понадобится в операции по поимке уголовного Ерша, титулярный советник Тулин всё равно пригодится. Другую работу, пользуясь случаем, ему найдём, по его специфике. Лишние специалисты розыска всегда пригодятся, у нас-то уголовного сыска нет, одни жандармы и прочие. Хочу, чтобы Тулин в местный уголовный мир вошёл, своим там стал. Для этого и ночлежка, для этого и облава. Потом побег ему устроим, подскажем, куда бежать и с кем связаться. Те, кого с ним возьмёте, свидетелями будут в его уголовных делах и поступках, что подтвердят в тульском деловом мире, определив его уголовный авторитет.

– Как узнать Тулина, если в гриме будет? – уточнил помощник.

– Он сам вас к задержанию спровоцирует, так как знает про облаву, в Москве задачу получил. Всё ясно?

– Всё предельно понятно, – ответил жандармский офицер.

– Вот и выполняйте! Желаю удачи!

После убийства помощника генерал Муратов взял представленный документ, присланный из полицейского управления города Орла и начал внимательно изучать. Содержание было следующим: *«Весьма секретно. Начальнику жандармского управления города Тулы.*

По вашему запросу сообщаю. Второго апреля сего года был задержан в уездном городе Мценск Орловской губернии преступник, совершивший ранее ограбление купца второй гильдии Фанасьева.

Обстоятельства следующие: Данный купец месяц назад следовал после коммерческих дел из уездного города Чернь Тульской губернии в город Мценск. При нападении был убит его приказчик, служивший в этот день за кучера. Сам купец выжил, но получил ранение по касательной в область груди. Время было вечернее, преступники испугались приближающейся пролётки, в связи с чем проверить состояние ограбленного поленились или не успели. Тем более что, по словам купца, лежал он весь в крови, не столько в своей, сколько в крови приказчика, боясь пошевелинуться. Возможно, преступники подумали, что купец мёртв, в связи

с чем и проверять не стали. После ограбления нападавшие скрылись с места преступления, уйдя по просёлочной дороге. Однако через месяц пострадавший признал нападавшего на него человека на базаре в городе Мценске. Купец виду не подал, но немедленно организовал наблюдение через своего доверенного человека. Ему удалось выяснить, где остановился данный преступник, после чего через час постоянный двор был окружён. Задержание проводило губернское жандармское управление города Орла. Помощь оказывала уездная полиция. В ходе захвата преступник оказал вооружённое сопротивление. С ним находились два близких человека, оба были убиты при задержании. В ходе полицейской операции главарь банды был ранен в правую руку, захвачен и помещён в Орловскую тюрьму. При проведении следствия выяснилось, что задержанный – не кто иной как Михаил Иванович Ериш. Дворянин Тульской губернии из города Белёва. Родственников нет, родители были убиты при невыясненных обстоятельствах во время ограбления дома несколько лет назад. До 1881 года данный дворянин служил в уланском полку в звании корнета. Разжалован в рядовые и лишён дворянства за пособничество в покушении на жизнь императора Александра II, но бежал и скрылся от наказания. Бывший дворянин Ериш дал показания, что ограбил купца и убил его приказчика из-за ненависти по классовому признаку. В других преступлениях не сознался, шайку выдать отказался. Следствие не смогло предъявить улик, так как свидетелей

не было. Предполагается, что совершил не меньше десяти нападений и ограблений в 1881—1882 годах. Именно такое количество ограблений произошло в это время на дорогах и в домовладениях Орловской, Калужской и Тульской губерний. За эти годы было убито трое купцов и семь человек прочего близкого к ним люда.

Второго мая осуждённый Ериш бежал из Орловской тюрьмы с помощью надзирателя, Василия Борундуя, который является общицавшим мещанином из города Нахичевань-на-Дону. Списан с военной службы из нижних чинов того же уланского полка по состоянию здоровья в 1881 году. Ранее, около полугода назад, устроился надзирателем в Орловскую тюрьму общего назначения. Характеризовался положительно.

В конце апреля надзиратель Борундуй представил начальнику тюрьмы схему местности, якобы обнаруженную им при обыске камеры Ериша. Ериш был вызван к начальнику тюрьмы на допрос. В ходе допроса арестант подтвердил, что между городами Орлом и Мценском закопано награбленное золото. Yakобы схему он рисовал, чтоб не забыть, где оно спрятано, и имел целью передать данный чертёж на волю подельникам. Ериш предложил начальнику взять золото, а ему помочь с более лёгким осуждением, так как знал, что ему грозит бессрочная каторга. Он попросил начальника тюрьмы посодействовать ему в замене предполагаемой каторги в Сибири на один из тюремных централов

в центральной полосе. Тот согласился, но вначале попросил представить закопанное золото. На это Ериш дал добро и своё слово.

Второго апреля рано утром начальник и два надзирателя, одним из которых являлся Борундуй, вывезли Ериша из тюрьмы. Направились к городу Мценску. В ходе движения, под угрозой револьвера, Ериш и Борундуй связали начальника тюрьмы и второго надзирателя, затем бросили в лесу, пообещав вернуться с золотом. Связанные освободились только к вечеру с помощью случайного крестьянина. Добравшись до города Орла, четыре дня не докладывали, ведя поиск лично. Факт отсутствия преступников выявлен следователем, проводившим дознание Ериша. Тюремный начальник и его помощник, надзиратель данной тюрьмы, задержаны и помещены под арест. Имеется информация, что Ериш и пособники будут забирать награбленное в местах предполагаемых тайных схоронений. Кроме того, не исключено появление Ериша в Туле. В камере Ериша найдены остатки тульской газеты «Губернские новости» со статьёй за подписью некоего Архивариуса. Суть статьи неизвестна, так как остатки газеты подвергались тщательному уничтожению. По малому клочку газеты удалось определить автора статьи и название газеты. Предоставляю по вашему запросу. С глубоким уважением, начальник губернского жандармского управления города Орла».

Прочитав данное письмо, Муратов задумался.

Мысли, бегающие друг за другом в голове жандармского генерала, говорили следующее: «Да, я не ошибся! Очень правильно сделал ещё до получения этой информации. Пользуясь расположением директора государственной полиции Плеве, смог выпросить группу из сыскной части Москвы. Спасибо Вячеславу Константиновичу! Этот Тулин, хоть и не всегда делает всё правильно, но определённо мозги имеет. Да и нет здесь никого поумнее его, кроме того, тульской публике неизвестен. Вот ему и поручим основную работу провернуть. Этого Ерша на живца, как рыбу, брать будем».

Глава 7 Ночлежка нищих и облава

Евграф Михайлович Тулин и Егор Егорович Кротов, как и было приказано, решили следовать в Тулу в вагоне третьего класса. Особо гримироваться не стали, сыщик посчитал это лишним. Оделись в простую одежду – бекеши, шапки и сапоги. Имели вид городской, московский и по-босяцки весьма щеголеватый. Одежда была не новой, но добротной и чистой, при себе имели потрёпанные, но крепкие баулы. Накануне выезда поработали с причёсками и бородами. Вместо аккуратных и ухоженных, они превратились в неровно подстриженные и спутанные. Бриться не стали, и поэтому лица имели почти двухдневную неухоженную щетину. На пальцы надели по бронзовому перстню-хулигану с открывавшимися рваными краями, таким украшением можно было и порезать выбранную жертву или обидчика. Егор Егоровичу нарисовали синяк под левым глазом, используя обычную серу от спичек и чёрный карандаш. Кроме того, как надзиратель признался Евграфу, хорошенько употребив водки для пользы полицейского сыска, Кротов специально приложился к косяку двери. Теперь у него в дополнение к специально нарисованному медленно появлялся настоящий синяк под правым глазом. От надзирателя нещадно пахло перегаром, видимо, пользуясь случаем работы над образом злодея,

он явно переборщил с употреблением зелёного змия.

Сыщики обзавелись паспортами прикрытия, за одну ночь нарисованными в сыскной части специальным умельцем, находящимся на содержании у московской полиции. Тулин числился Семёном Михайловичем Ложкиным. Егор Егорович – под своим именем и отчеством, но по фамилии Вошкин. По паспортам следовало, что оба отпущены из Владимирской губернии на заработки. Служебные документы были спрятаны, защиты в бекешу. Имелись и револьверы, укрытые в складках одежды под левой рукой, кроме того, взяли и по хорошему ножу на всякий случай.

До вагона их специально сопровождали на отдалении передетые агенты из сыскного отдела, не посвящённые в детали полицейской операции. Сыщик опасался, что его и Кротова благодаря заливчатскому босяцкому виду может задержать полиция для выяснения личности, что могло помешать задуманному. Но этого не произошло, и они уверенно прошли в полный обывателей душный вагон, пугающий своей грязью, запахами и всевозможными звуками. Егор Егорович своим злобным видом и запахом водочного перегара успешно распугивал публику, которая сразу же при его появлении молчаливо давала возможность прохода через плотно стоящих, суесящихся над размещением личного скарба и уже спокойно сидящих обывателей, как только Кротов появлялся возле них. Пассажиры активно галдели, грызли семечки, поедали скудную пищу. Пахло чесноком, квашеной

капустой, прогорклым маслом и человеческим потом давно не мытых тел. Многие курили дешёвый табак, стряхивая пепел перед собой, не обращая внимания на стоящие общественные пепельницы, предназначенные для предотвращения возможного пожара. Публика в вагоне была очень простая. По виду можно было определить, что ехали сплошь крестьяне и рабочие, но имелись один священник в старой рясе и человек интеллигентного вида, возможно, учитель, который испуганно сидел на скамье, держа в руках саквояж.

Следуя через вагон, Евграф невольно обратил внимание ещё на одного пассажира. По ходу их движения с Кротовым уже расположился на сиденье хорошо одетый и уверенный в себе человек среднего возраста, по виду приказчик или зажиточный горожанин. Он обладал крепкой фигурой, большой бородой и здоровыми кулачищами, а на левой щеке был большой шрам, полученный, видимо, от ножа.

Сыщик и надзиратель, не церемонясь, прошли в самый край вагона, изучая всех присутствующих. Присели с вызывающим видом, развалившись на жёстких сиденьях, лицом к другим пассажирам. Соседи сильно потеснились, недовольно освобождая им большую часть скамьи, молча и с опаской осматривая попутчиков. Дорога была длинной, поэтому Тулин решил поспать, пользуясь случаем, такого же мнения был и напарник. Найдя удобное положение на деревянных скамейках, они закрыли глаза и погрузились в дрему. Известно, сколько они спали, но проснулись от истош-

ного бабьего крика.

– Ой, посмотрите, что творится? В белый день грабят! Караул, убивают, помогите Христа ради!

Евграф открыл глаза и внимательно осмотрелся. Кричала толстая и неопрятная баба, сидящая с грязными баулами через пять мест от них. Его взору представилась такая картина.

Трое скудно одетых обывателей неясного сословия, видимо, вошедшие в вагон на какой-то промежуточной станции, пытались отнять саквояж у интеллигента. Один из них уже держал в руках чей-то чемодан, другой – хороший тулуп. Скорее всего, они уже обобрали некоторых пассажиров. Интеллигент сопротивлялся, держа саквояж двумя руками, и испуганными глазами смотрел на обидчиков. Лица залётных ничего хорошего ему не обещали. Кротов, проснувшийся одновременно с Евграфом, вопросительно посмотрел на сыщика.

«Вмешиваться нельзя, иначе себя раскроем, так как неизвестно, кто из пассажиров едет до Тулы. Потом тульским босякам обязательно станет известно, что кто-то в вагоне помещал грабить народ, народная молва любые расстояния преодолееет, и получится – мы не по правилам живём. Что же делать? Оказывать поддержку нежелательно, но интеллигента жалко!» – подумал Тулин.

Неожиданно на помощь пришёл случай. К поездным грабителям, расталкивая орущих и галдящих баб, подошёл именно тот мужчина среднего возраста с бородой, шрамом

и огромными кулаками, на которого обратил внимание сыщик при посадке.

– А ну-ка, осади, ретивые, не тронь человечешку. Оставь учителя, не балуй! Он наш, скуратовский, – сказал неизвестный попутчик, дерзко обращаясь к грабителям.

– Ты что, увалень деревенский, дырку в брюхе желаешь? – ответил один из них, ухмыляясь.

– Оставь его, Феня. Это скуратовский трактирщик, уважаемый в Туле человеке. Постоялый двор с харчевней на окраине города содержит, – сказал один из грабителей.

– Ща, оставлю обоих голубков рядышком навсегда, – ответил грабитель по кличке Феня, незаметно доставая нож.

Остальные двое грабителей, бросив вещи, тоже приготовились к драке. Евграф решил оказать помощь этому странному смельчаку, не побоявшемуся выступить против налётчиков.

Во-первых, он понял, что грабители – не туляки. Поэтому риска поссориться с уголовным миром до начала операции не было. А во-вторых, трактирщики почти всегда были связаны с криминальным дном города, а это могло очень пригодиться. По виду этого представителя профессии трактирщиков, он был далеко не прост, что и заинтересовало Тулина. Сыщик показал незаметный знак Егору Егоровичу, содержащий призыв вмешаться в ситуацию. Тот понял и радостно улыбнулся, видимо, ему порядком надоела эта история с грабежом простых обывателей и нарушением законов Российской-

ской империи.

Незнакомец-трактирщик не видел, что грабитель по кличке Феня за спиной держит нож. Поняв это, Евграф показал этому смельчаку, вставшему на защиту интеллигента, особый знак рукой – финяк, для чего большой палец правой руки вытянул, указательный направил прямо, остальные прижал к ладони. Этот знак, известный только обитателем трущоб и подворотен, означал нож. Тот понял значение тайного знака и напрягся для отражения удара. В этот момент Евграф и Егор Егорович встали и быстрыми движениями нанесли одновременные удары в челюсть двум подручным поездного вора.

Кротов бил по-деревенски, сбоку, с ухарским кулачным размахом, а Евграф впервые опробовал удар «чао чуй» – «всплывающий кулак», которому его обучил мастер Чан. Суть его заключалась в нанесении быстрого удара снизу вверх, сделал он это с определённым выдохом и криком «чао чуй». Сыщик, конечно, мог и по-простому, как учили в императорской армии во время уроков французской борьбы, но решил по-новому, по методике китайского учителя мастерству уи. Уж очень ему хотелось доказать надзирателю преимущества своего нового увлечения. Противники рухнули на пассажиров, пытающихся уклониться от падающих на них тел. Толпа обывателей одобряюще закричала, поддерживая Тулина, Кротова и трактирщика. Особенно старалась прежняя баба. Видя это, грабитель Феня сделал выпад

в направлении трактирщика, пытаясь нанести удар ножом в живот. Но тот легко уклонился, выбил нож и в свою очередь ударил налётчика. Все трое неудачных воров оказались на грязном полу, воя от боли и злобно смотря снизу на трактирщика и неожиданных его помощников.

– Оставьте всё отнятое у людишек и валите, – сердито заявил трактирщик.

Пострадавшие грабители медленно поднялись и, с ненавистью смотря на защитников интеллигента, решили убраться.

– Благодарю, ребята. Смотрю, цепкие вы. Будете в Скуратовских двориках, заходите в постоянный двор «Орловский тракт». Меня кличут Агеем, – заявил трактирщик, обращаясь к сыщику, не обращая внимания на слова благодарности интеллигента.

– Договорились. Будем там, заглянем, – ответил Евграф.

Остальная дорога прошла без подобных историй. Обыватели-пассажиры успокоились и зажили прежней жизнью. Через час прибыли в Тулу. На вокзале висело описание Ерша и Борундую с заголовком: «Внимание! Беглые». В нём обещалось материальное вознаграждение при сообщении данных об их местонахождении.

– У меня другой план созрел, Егорыч. Глупо это – в Чулковку ехать. Заметут нас вечером жандармы, и что дальше? Потом придумает Муратов, как нам сбежать. И что? Как объяснять местным босякам потом станем, что мы не заодно

с жандармами. Они же после побега должны весь город перекрыть, а это нам руки свяжет. Как мы своими станем среди всей этой хевры уголовной? – задумчиво сказал сыщик.

– Что предлагаете, Семён Михайлович Ложкин? – сказал, улыбаясь, надзиратель Кротов.

– Есть у меня одна мысль, Егор Егорович Вошкин. Ночлежки поменять! Тем более, у нас в Скуратовских двориках теперь товарищ появился. Нам надо к нему поближе быть. Ночлежек в Туле две или три. Поедем в окрестности Всехсвятского кладбища. Там есть одна, как раз на окраине города. В прошлом году я мимо проезжал, приметил. Оттуда и до Скуратовских двориков недалеко. А если всё сложится хорошо, как я задумал, то завтра нас всё дно города знать будет и уважать. – ответил Евграф, улыбнувшись в ответ.

К ночлежке они добрались на самом дешёвом извозчике, с которым могли сторговаться. Для этого вначале дождались, пока поток пассажиров убудет с вокзальной площади, а потом долго торговались с теми, которые остались без работы. После длительных препираний с мрачным и невзрачным извозчиком наконец-то поехали. Пролётка была потрёпанной, лошадь изможденной, а сам извозный угрюм и неразговорчив. Через четверть часа подъехали к ночлежке. Вышли, осмотрелись. Здание было небольшим, по сравнению с московскими ночлежными домами. В тех могло одновременно разместиться до пятисот посетителей в каждой, а в этой, тульской, человек от силы шестьдесят.

– Что молчишь, лихач? Как дела у Левши? – спросил сыщик, выйдя из пролётки, расплачиваясь за поездку.

– Какого такого Левши? Такого легкового извозного не знаю, – ответил оторопевший извозчик.

– Ну ты и тёмный человек. Мастеровой это, в Чулковке живёт. В Англию с императором ездил по делам, блоху подковал и танцевать заставил.

– Незнамо мне это, бредите вы, ребята. Мастеровой с императором? За дурня меня держите? – ответил непонимающий извозчик и понуро покатыл дальше, что-то ругательное бормоча себе под нос.

Гости губернского города, смеясь, подошли к невзрачной лавке, купили по пирогу с рыбой и с удовольствием съели.

– Да, не «Певческая Кулаковка», самая прибыльная и криминальная ночлежка Москвы, – заметил Егор Егорович.

– Нам какая разница? План такой. Селимся, знакомимся, входим в доверие и собираем информацию о Ерше.

Ночлежка представляла собой большое старое деревянное двухэтажное здание в конце улицы. Ещё раз осмотрев покосившееся строение, полицейские вошли в убогое убежище местной босоты. Внутри здания стоял спёртый запах человеческих испражнений, немытых тел, перемешанный с запахом дешёвого табака. Пахло испорченными продуктами и недавно сваренной похлёбкой. Отдали пятак надзирателю и по его указке поднялись на второй этаж. Он был разбит на пять комнат-отсеков без дверей, в которых стояли

по стенам двухъярусные нары. Постелей не было, вместо подушек лежали деревянные плоские чурки. В коридоре стояли два длинных деревянных стола и четыре лавки. Сыщик решил осмотреть всю публику. В первом отсеке ночлежки отдыхали крестьяне, которые приехали по делам в губернский город. Они собрались своей группой. Не освобождаясь от верхней одежды, испуганные крестьяне подозрительно смотрели по сторонам, не торопясь располагаться на нарах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.